

МАЛЕНЬКИЙ ГЕРОЙ

(Из неизвестных мемуаров)

Вариант прижизненного издания 1857 г.

.....
.....

«Ну, да!» сказал я: «я расскажу тебе историю, Машенька, и ты никак не должна сердиться за то, что тебе рассказывают историю про ребенка, а не про большого человека, будто девочке маленькой. Слушай же покорно и смиренно. Ведь сама же ты напросилась на мою историю, сама же вспорхнула, словно птичка испуганная, когда услышала, что часы бьют одиннадцать и догадалась, что мы уже целые два часа сидим да молчим. А для всякой такой резвухи, как ты — ух! как страшно промолчать два часа. И уж видел я, что всему бы ты рада была, только бы не молчать; и если б что вдруг разбилось, и если б зеркало сорвалось со стены и, пожалуй, чтоб дом загорелся — все хорошо, все было бы лучше, чем молчать два часа. И стали мы помаленьку злиться за то, что нам сделалось скучно, губки наши маленькие надули с досады, кружево с платка принялись общипывать — сердечко неугомонное! Так что уж, волей-неволей, а мне пришлось предложить свою историю. Но если б ты знала, Машенька, как мне хорошо вот так здесь сидеть, у огня, и смотреть, все смотреть на тебя, целые два часа с тебя глаз не спускать, с тебя да с твоей маленькой ножки, которая все время грелась, лежа на решетке камина и всё время дразнила меня, плутовка! Что с тобой было, мой маленький, хорошенький друг? Какие грёзы тебя убаюкали? в какое волшебное царство летала твоя фантазия? И как смиренно, не пошелохнувшись, сидела ты эти два часа, склонив головку на правую руку, перебирая и путая в светло-русых локонках свои точеные пальчики, полузакрыв глаза, будто в раздумье о чем-то, будто гоняясь мечтой за каким-то воспоминанием, счастливым и радостным — затем, что у тебя других и не может быть, — и сама улыбаясь мечте своей, как дитя сквозь сон. Ох! если б ты знала, резвуха, что ты так была хороша и что мне было так хорошо смотреть на тебя, ты бы еще такие же два часа просидела, не шевельнулась бы, словечка бы не вымолвила!.. Даже наш камин как будто обрадовался, что мы оба так присмирели, словно для того, чтоб слушать его веселую трескотню, и так охотно, так весело разгорелся нам в угоду, что, право, он, ни дать ни взять, был похож на приветливого, доброго хозяина, к которому собрались хорошие гости и который уж не знает, от радости, как их пригреть, приласкать и подольше удержать у себя... И как он затрещал и засверкал, когда я подбросил ему два славные березовые полена, сухие с цельной корой, и если б ты слышала тогда, какую славную принял он рассказывать сказку! А потом и он вдруг затих, будто на нас глядя, или, как старый человек, которого только на мгновение озарило ярким воспоминанием и которому вдруг изменила память на

половине рассказа, так что уж и совестно ему, что не спохватился заранее и что так поздно пришлось извиняться слабостью старческой памяти, и так медленно, будто нехотя, гаснул!.. Но, видно, и его одолела дрема, и вот теперь, смотри, только синие зайчики по угольям прыгают...

Но, Боже мой! еще я слышу, какой звонкий смех сорвался с твоих губок, когда я предупредил тебя, что герою романа, который я намерен рассказывать, еще не было одиннадцати лет, и объявил тебе, кто был этот герой. Но слушай, резвушка: ведь сама же хотела ты, чтоб я рассказал что-нибудь такое, отчего бы воскресли пред тобою все любимые воспоминания твои, и, право, я ничего не мог лучше придумать, как рассказать тебе про мое первое счастье. Еще я помню слово в слово весь твой заказ и наказ, как рассказывать повесть, и, право, стоило бы его повторить, этот заказ твой, причудница. Дескать, так рассказать, чтоб Машенька, во-первых, никак не заснула, а, напротив, чтоб было ужасно как любопытно слушать; во-вторых, чтоб вовсе не было трогательно, потому что Машеньке совсем не хочется плакать, да чтоб уж и не было очень смешно, затем, что ей и смеяться тоже не хочется, в-третьих, чтоб отнюдь не было страшно, потому что Машенька, видите ли, уж и так прошлую ночь всю измучилась: какой-то страшный сон видела, уж какой — мы не помним, давно позабыли, а только очень был страшный сон. Ну, а потом, чтоб не было длинно, а потом, чтоб не было путаницы — словом, чтоб мы прослушали тихо, спокойно, но только с большим, большим, с очень большим любопытством... Ну, чтоб, наконец, впечатление было точно такое же и чтоб Машенька точно так была рада слушать, как, помните (и это нам вдруг теперь вспомнилось, ни с того ни с сего залетело в голову!), во время наших вечерних прогулок прошлого лета, в деревне, когда мы оба так весело болтали, так взапуски друг другу рассказывали всё, что на ум приходило, и так резво, так радостно смеялись своей болтовне, что, кажется, только тогда и умели так хорошо говорить и смеяться, а теперь совсем разучились... И тут ты так чудно вся оживилась, среди целого роя милых видений прошедшего, внезапно воскресших в твоей горячей головке, так вдруг захотелось тебе заставить забиться причудливое сердечко свое на старый лад, что тотчас же было положено непременно так сделать, таким волшебствам быть, чтоб и в моем рассказе отразилось всё это прошлое счастье, чтоб как-нибудь припомнилось нам и всё прошлое лето, “когда мы всего только месяц, как были знакомы”, и вся деревенская жизнь и прогулки вечерние и наши столетние липы подле дома, и роща за садом, и наше черемушное дерево, которое нам в окно подавало цветы свои и словно просилось к нам каждое утро, когда ты отворяла окно, а сочные, темно-зеленые листья ворвутся, бывало, к нам в комнату; и скошенный луг, на котором убирали сено... помнишь, еще стал накрапывать дождь, и мы все бегали, с граблями в руках, с криком, смехом, весело, резво и —

И всё мое сердце задрожало, когда, вслед за тобой, и мне всё это припомнилось, Машенька, это время золотое, когда нам обоим было так хорошо, что как будто и правда, что мы тогда зараз прожили всё наше счастье, за всю нашу жизнь,

и ничего про запас не оставили; когда, кажется, последний цветок полевой был милее для нас и душистее, чем теперь, хоть бы эти дорогие розы твои, которые нежатся там, у тебя в фарфоровой вазе, “когда мы всего только месяц, как были знакомы”, про что ты так слишком кстати упомянула, злая, чересчур наивная Машенька. Всё припомнил, всё так, как хотела ты, даже бедную черемуху нашу, которую, может быть, теперь сломил зимний ветер и которая только теперь почему-то так мила и дорога тебе стала. Всё припомнил, когда слушал твой длинный заказ и не сводил глаз с твоих горячих губок, так бегло и нетерпеливо лепетавших твои желания, и я так рад, так рад был этим воспоминаниям, так рад, что мне, наконец, грустно стало, зачем я так рад им; будто ты и теперь не такая же, не лучше в тысячу раз, чем тогда была; будто не горит мое сердце от каждого взгляда твоих ясных глазок; будто не прекрасен теперь этот смех твой, который засверкал сейчас сквозь радостную краску на твоём торжествующем, захваленном личике, самолюбивая моя плутовочка; будто не льётся этот смех в мое чуткое, настороженное сердце, как музыка? Но отчего же, скажи мне, Машенька, — думала ли когда об этом шаловливая головка твоя? — отчего только то нам и в радость, что как теперь, например, давно уже прожито, чего уже никаким наговором, никакой ворожкой не воротишь, и что только припомнить осталось, опять, как теперь, в поздний вечер, сидя у огня, в который я брошу сейчас вот это полено, чтоб было нам светлее и веселее, когда в окно бьется и стучит злая вьюга своими отмороженными, костлявыми пальцами и когда уже нет ни наших прогулок вечерних, ни цветов, ни душистого луга, ни теплого синего неба? Неужели же и в самом деле, мне не дороже всего мое *настоящее* счастье, не дорога ты мне, моя милая, чудная девушка? Зачем же и я так одушевился вместе с тобою твоими же воспоминаниями и так дорого стало мне вдруг все прошедшее, так сладко сказалось оно вновь сердцу, что теперь как будто и тяжело и грустно по нем, как будто и впрямь тогда... лучше было! Так ли, Машенька? Полно, правда ли это? Лучше ли нам было тогда, чем теперь, или нет? Или мы только капризные, недовольные, неблагодарные дети, и просто хандрим, говоря, что нам скучно; только сердимся да мучим наших добрых друзей, дразним и обманываем их досадной похвальбою прошедшему, так и сяк намекая, что тогда-то вот жизнь была, а теперь и жизнь не в жизнь, и друзья не друзья, и годятся разве на то, чтоб от скуки сказки рассказывать, подлаживая их с горя на бывалый лад? Разреши же мне загадку мою, баловница, капризная девушка! Правда ли это? так иль не так? Но ты молчишь; о, да ты смеешься теперь, лукавая Машенька! Вижу, вижу я, как бегут от меня твои быстрые глазки, чтоб с моими не встретиться, как потрогиваются кончики губок, как вздрагивает слегка подбородок... Еще минутку — и ты засмеешься... ну вот, ну, не правда ли? Ох, как хорошо ты смеешься, Машенька! и, клянусь, я нарочно соблазнил тебя засмеяться. Долой хандру, и ничего мы теперь не хотим разрешать, никаких вопросов! Мы хотим одним взглядом наших бирюзовых, сияющих глазок разбить в прах все непрошеное резонёрство загрузившего нашего друга и разрешить все досадные вопросы разом, по-своему;

и ты сделаешь это — клянусь тебе, ты уже сделала всё это, волшебница Машенька! И, право, если я еще долее буду смотреть в эти соблазнительные глазки, я повинюсь во всех взбалмошных, непочтительных вопросах моих, отрекнусь от них; продам, или даром отдам в твою власть, не ценя и не оглядываясь, всё мое прошедшее, дорогую мне память мою, так что, пожалуй, всё позабуду, всё, даже с обещанной историей, которую уж давно было пора начать, а, может, и кончить!.. Но ты качаешь головкой — ты не хочешь, чтоб я забывал свои обещания; ты даже отвела свои глазки, плутовка, чтоб и вправду я не остался перед ними навек в созерцании, как Лотов столб, о! предусмотрительная девушка!.. Что ж это? мы обижаемся? мы не жалуем таких непозволительных шуток! вот уж мы нахмурили бровки... так скорее же за историю, и недаром же я заговорил о прошедшем! А только история будет все-таки детская история, про ребенка, а не про большого человека, Машенька — досадно, не правда ли? да нечего делать, уж такая случилась. Ну, слушай же, я начинаю».

Так, или почти так, окончил я мое... предисловие. Тогда шалунья устала на меня свои глазки, притихла; я стал рассказывать и вот таким-то образом произошла на свет моя «история» (2; 455 – 458).